

Фэн Цзюцин упрямо возразил: — Разве я не могу постичь всё сам без всяких учителей? Достопочтенный братец, ты во мне сомневаешься?

Разве мог он признаться, что всему научился в прошлой жизни?

В прошлой жизни Фэн Цзюцин был известным ветреным генеральным директором, у которого отбоя не было от любовников. Жаль только, что ни один из них не мог пробудить в нём истинного желания, из-за чего он до самой смерти оставался девственником.

Ничего не поделаешь, стандарты этого генерального директора были слишком высоки — обычные люди его не привлекали.

Однако у Системки было другое мнение: а что, если всё дело в том, что он выбирал исключительно пассивных партнеров? Поищи он среди активных, глядишь, и встретил бы подходящего. Но этот генеральный директор отличался невероятной самоуверенностью и до самой смерти свято верил, что сам является самым брутальным альфа-самцом.

Мо Лин изогнул губы, в глубине его зрачков клубилась подавленная, мрачная одержимость: — Лучше бы так оно и было.

Если я узнаю, что ты лжешь, тебе не захочется узнать последствия, так что постарайся не обманывать меня, Цинцин.

Фэн Цзюцин не слышал недосказанных слов Мо Лина и даже немного загордился: — Ничего не поделаешь, я просто слишком умлен, всё схватываю на лету.

Мо Лин взглядом очерчивал силуэт сидящего напротив человека, мысленно выбирая, где лучше оставить свою метку.

Ты сам первый заигрывал со мной, маленький лжец, и впредь даже не думай заигрывать с кем-либо еще.

Его взгляд внезапно замер, и пока Фэн Цзюцин ничего не подозревал, он резко распахнул воротник юноши и впился зубами в ключицу того, кого прижимал к груди.

Фэн Цзюцин почувствовал резкую боль в ключице, его зрачки сузились: — Системка, у Мо Лина что, в гороскопе бешеная собака?! Он опять кусается, ему от бешенства прививку сделали?! Срочно требуется доза вакцины от бешенства!

Раздался неторопливый голос Системки: — Я же говорила тебе не задирать его, доигрался, хех. Двадцать очков интеграции, не благодари.

Лишь когда на языке Мо Лина отчетливо закусенной кошачьей мятой заалел привкус железа, он вернул себе самообладание, отпустил сидевшую на руках прелестницу и с тихим смешком слизал с губ следы крови: — Цинцин укусил меня, и я укусил Цинцин, долг платежом красен.

— Валит с больной головы на здоровую, — Фэн Цзюцин был одновременно потрясен и уязвлен тем, что кто-то может быть еще бесстыднее его самого: — Я же случайно, а этот человек явно нарочно! Системка, с каких пор Мо Лин стал таким бесстыдным?

Система благоразумно проигнорировала слова непутевого отпрыска.

Глядя на ошеломленное выражение лица прижатого к нему человека, Мо Лин наклонился и

поцелуями смахнул слезы, выступившие у Фэн Цзюцина на глазах от боли, после чего тихо вздохнул: — Цинцин, будь послушным.

Оторопев от неожиданности, Фэн Цзюцин наконец-то ощутил ноющую боль в ключице и, уставившись на сидевшего перед ним мужчину, не удержался от лукавой мысли: — Достопочтенный братец, больно, нужно, чтобы братец подул, тогда всё пройдет.

Системке захотелось закрыть глаза руками: этот непутевый отпрыск и правда неслыханно бесстыден.

— Хорошо, — склонившись, тот слегка подул на ранку, и лицо Фэн Цзюцина постепенно залилось алым румянцем, который он уже не мог контролировать. Почему ему показалось, что дыхание Мо Лина было каким-то двусмысленным? Показалось, наверняка показалось, нужно успокоиться и сделать глубокий вдох.

Мо Лин находил закрывшего глаза и не смеющего взглянуть на него человека всё более очаровательным, и желание спрятать его в недоступной никому другому высокой башне разгоралось с новой силой.

Интуиция подсказывала Фэн Цзюцину, что продолжать в том же духе нельзя, поэтому он поспешил сменить тему: — Братец, где ты получил ранение?

Мо Лин не стал скрывать: — Нечаянно забрёл в тайную комнату за искусственной горкой, там оказалось слишком много ловушек, по неосторожности задело скрытым оружием.

Выходит, внутри искусственной горки есть тайная комната? Фэн Цзюцин помнил, что на выданной им карте эта тайная комната не была отмечена, да и во время прежней разведки он не обнаружил её следов. На мгновение его взгляд потускнел: похоже, Башню Ситай они исследовали еще недостаточно глубоко.

Впрочем, Юэбай и Тяньцин уже благополучно проникли в Башню Ситай, и в дальнейшем ему будет гораздо проще здесь действовать.

— Зачем достопочтенный братец отправился в тайную комнату? Цинцин-то думал, что братец пришел украсть ласку у Цинцин, а оказалось, Цинцин во всём заблуждался. Фэн Цзюцин изобразил жалобный вид и уставился на Мо Лина влажными, немигающими глазами.

Взгляд Мо Лина немного затуманился. Кашлянув, он напомнил себе, что вообще-то пришел расследовать дело, и у него нет времени на всякие глупости. Но при виде скорбного личика этого мелкого беса у него в душе неожиданно зародилось чувство вины, словно он бессовестно растоптал чье-то искреннее сердце.

Не дождавшись ответа, Фэн Цзюцин решил продолжить свои козни. Он отвернулся от Мо Лина и, всхлиывая, заговорил срывающимся от слез голосом:

— Уважаемый гость благороден и высок происхождением, а Цинцин — всего лишь скромный артист. Разве стою я того, чтобы дорогой гость тратил на меня свое время? Уходите же, дорогой гость, а о сегодняшнем дне Цинцин предпочтет забыть.

— Все равно положение Цинцин ничтожно, и мне суждено никогда не дожидаться жалости от

дорогого гостя.

Мо Лин притянул его в объятия, протянул руку, чтобы вытереть слезы с лица Фэн Цзюцина, и едва слышно вздохнул:

— Цинцин, я вовсе не это имел в виду. Цинцин — мой человек, и я, разумеется, буду дорожить им и лелеять его.

Система выкатила кошачьи глаза и холодно разоблачила спектакль:

— Как жалобно плачешь. Если бы я только что не видело, как ты украдет с системного маркета кусочек лука, я бы и вправду поверил в актерский талант этого непутевого сына.

— Что ты понимаешь, Системка? Умение вовремя проявить слабость и поплакать — прекрасный способ укрепить отношения. Кому не нравится слабая и невинная овечка?

— Ты — волчище с хвостом, притворяющийся безобидным цветком, и впрямь не брезгуешь никакими методами. Впрочем, Системушка дружески тебя предупредит: надейся на лучшее, но готовься к худшему. Продолжай ломать комедию, плакать тебе еще придется немало.

Фэн Цзюцин пропустил эти слова мимо ушей и, глядя на Мо Лина глазами, полными слез и росы, как лепестки сливы под дождем, поднял голову:

— Дорогой гость говорит правду? Не обманывает Цинцин?

Мо Лин крепче прижал к себе человека, сидевшего у него на коленях:

— Разве Цинцин в себе не уверен?

Фэн Цзюцин надул губы, словно в следующую секунду снова готов был расплакаться:

— Перед лицом возлюбленного кто же сможет чувствовать себя уверенно?

В горле Мо Лина раздался глухой, знойный смешок, полный безграничного наслаждения:

— Я понял.

В глазах Фэн Цзюцина мелькнуло недоумение: что значит «понял»? Разве в такой момент Мо Лин не должен сыпать нежными признаниями и изливать душу? Ограничиться одним сухим понял и отделаться от него? Мужчина ли вообще Мо Лин?

Или, может быть, из-за своих проблем по мужской части его мысли устроены совсем не так, как у нормальных людей?

Не успел Фэн Цзюцин додумать эту мысль, как у самого уха раздался низкий, чувственный голос Мо Лина:

— В моих глазах Цинцин единственен и неповторим. Не тревожься, Цинцин — человек, который мне дорог.

Уши Фэн Цзюцина от накатившего жара начали стремительно краснеть, а сам он стал еще очаровательнее.

С чего это он вдруг заговорил так сладко? Уж не бегал ли он за его спиной на какие-то курсы? Хм, ладно, учитывая, как сладко умеет говорить Янь-эр, на этот раз я тебя прощаю.

Глядя на лицо человека в своих объятиях, Мо Лин почувствовал, как его дыхание стало тяжелее. Похоже, ему придется ускорить расследование и как можно скорее покончить с Баштай Ситай и стоящими за ней силами, чтобы затем без всяких оглядок вкусить сладость, что таится в этих объятиях.

Но сейчас было нельзя. Если бы хоть кто-то узнал, что он отдал свое сердце Цинцину, Цинцин тут же оказался бы в смертельной опасности.

На следующее утро, когда Фэн Цзюцин проснулся, от Мо Лина не осталось и следа — судя по всему, он ускользнул ранним утром.

Уголки губ Фэн Цзюцина тронула улыбка: хотя вчера ничего особенного не произошло, кое-каких результатов он все же добился. По крайней мере, теперь Мо Лин испытывает к нему хоть капельку искренних чувств — а значит, его долгое выступление в роли невинной овечки стоило того.

Фэн Цзюцин сладко потянулся, уютно устроившись под одеялом, и снова провалился в сон — дни, когда не нужно вставать спозаранку, были поистине прекрасны.

— Молодой господин, просыпайтесь, молодой господин...

<http://bllate.org/book/21502/2203461>